

Научно-
теоретический
журнал

Религио ведение

Выходит 4 раза в год

№ 3 2006

Главные редакторы

А.П. Забияко
А.Н. Красников

Отв. секретарь

Е.С. Элбакян

**Редакционная
коллегия**

Н.Л. Алексеев
П.В. Башарин
И.П. Давыдов
И.Я. Кантеров
Ю.А. Кимелев
С.А. Мозговой
К.И. Никонов
Е.В. Рязанова
Н.Н. Трубникова
С.В. Филонов
М.М. Шахнович
И.Н. Яблоков

СОДЕРЖАНИЕ

История религии

- Яковенко Е.Б. Переводы Библии на германские языки: история и современность 3
Селезнев Н.Н. Несторий и его апология «Книга Гераклида» 16
Элбакян Е.С. Религия и масонство 28

Религии России

- Товбин К.М. Староверие как «контрсекулярный проект» 40
Садиков Р.Р. Между исламом и христианством: проблемы этноконфессиональной идентичности закамских удмуртов 56
Никитина И.В. Вклад Русской православной церкви в деятельность пенитенциарной системы Приамурского края во второй половине XIX – начале XX вв. ... 71
Щекина Н.К. Воспитательная миссия христианской конфессии в пенитенциарных учреждениях. 78

Религии Востока

- Насыров И.Р. «Достижение истинности» (*таххик*) как альтернатива аскетизму (*зухд*) в суфизме 85
Зорин А.В. Культурное значение индо-тибетских буддийских гимнов 96

Новые религиозные движения

- Романова Е.Г. Деятельность международной организации Ананда Марга на Дальнем Востоке России: Хабаровский и Приморский центры в 1990-2005 гг. 103

Философия религии

- Кабанова М.Л. Философия религии в системе «трансцендентального монизма» В.Д. Кудрявцева-Платонова ... 113

Религиозная философия

- Харьков С.А. Философско-теологические источники трансцендентальной теологии К. Ранера 119

Социология религии

- Спасский Е.Н. Христианские партии ФРГ на рубеже столетий 129

Психология религии

- Яхьяев М.Я. Специфика религиозного фанатизма ... 143

Блэйни Марк. Опыт Аяхуаски как подлинная форма постсовременного мистицизма 153

Религия и культура

Забияко А.А. Ремифологизация в художественном сознании русского эмигранта-харбинца 161

История религиоведения

Красников А.Н. Структурализм в религиоведении 179

Форум

Писманик М.Г. Религиоведческие размышления 189

Кругозор

Диалог светских и религиозных ученых 200

Contents 203

About the journal 210

Авторы номера

Журнал включен в «Перечень периодических научных и научно-технических изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки.

Сайт журнала: <http://www.amursu.ru/religio>

Study of Religion («Religiovedenie»)

Scientific and theoretical journal. Four volumes/year

Editors in chief: A.P. Zabayako, A.N. Krasnikov.

Executive secretary: E.S. Elbakyan.

Editorial board: I.L. Alekseev, I.P. Davidov, P.V. Basharin, I. Ya. Kanterov.

Yu. A. Kimelev, S.A. Mozgovoy, K.I. Nikoňov, E.V. Riasanova, N.N. Trubnikova,

S.V. Filonov, M.M. Shahnovich, I.N. Yablokov.

Учредители:

Амурский государственный университет;
Объединение исследователей религии
(Москва)

при участии философских факультетов
Московского и Санкт-Петербургского государственных университетов

Адреса редакции:

675027, Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21,
Амурский государственный университет,
каб. 328.

E-mail: sciencia@yandex.ru;

119992, ГСП-2, Москва, МГУ, 1-й гуманитарный корпус, философский факультет, кафедра философии религии и религиоведения.

Founders:

Amur State University;

Association of researchers of religion; with participation of the Faculties of philosophy of Moscow State University and St. Petersburg State University.

Editorial offices:

675027 Blagoveschensk, Ignatievskoe Schosse 21, Amur State University, office 328.

E-mail: sciencia@yandex.ru;

119992, GSP-2, Moscow, Moscow State University, first humanitarian building, Faculty of philosophy / Dep. of philosophy of religion and religion studies.

Журнал зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № 77-79-73 от 14.05.2001.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. Рецензии на статьи авторов не высылаются, рукописи не возвращаются.

© «Религиоведение», 2006

А.В. Зорин

КУЛЬТОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНДО-ТИБЕТСКИХ БУДДИЙСКИХ ГИМНОВ

В истории индийской гимнографии можно выделить несколько типов гимнов. Самые ранние – ведийские, затем эпико-пуранические, носящие отчетливые следы влияния религиозных культов индуизма; наконец, индуистские, джайнские и буддийские гимны. Последние сочинялись в условиях культурного диалога-диспута между различными религиозно-философскими системами, многие черты в них являются общими; так, можно говорить о наличии двух пересекающихся линий развития – литературно-философской и ритуальной.

Предмет данного исследования – анализ культового значения буддийских гимнов, основанный на большом текстологическом материале: мной были изучены 240 гимнов, содержащихся в составе тибетского буддийского канона (лишь некоторые из них дошли до нас также на языке оригинала – санскрите).

При тематической классификации этих текстов можно выделить несколько групп: гимны Будде Шакьямуни, гимны различным тантрическим божествам, философские гимны, гимны различным буддам, гимны буддийским учителям, гимны областям буддийского учения.

Ярче всего связь с ритуалом проявляется в многочисленных гимнах тантрическим божествам. Стилистически и композиционно некоторые из них весьма напоминают древние индийские гимны.

В структуре «среднего» ведийского гимна исследователями выделяются две части: апеллятивная и экспликативная¹. Первая находит выражение в просьбах, обращенных к божеству, вторая – в эпитетах и описаниях его действий, признаков и т.д.

По поводу мотивов создания гимнов «Ригведы» Я. Гонда пишет: «Ведийский человек, зачастую приписывая свои неприятности действиям врагов или колдунов и полагаясь на ритуалы в надежде нейтрализовать их, пребывал, как правило, в неведении относительно их природы и чувствовал себя обреченным на то, чтобы все время находиться в оборонительной позиции. Он хотел... уничтожить все то зло, которое могло причинить вред его жизни, здоровью, детям или домашнему скоту. Отсюда многочисленные заклятия против демонов, врагов и колдунов, заговоры, изгоняющие неудачи и болезни, магические формулы, направленные на укрепление здоровья и обретение долголетия, успеха и победы. Что поражает внимательного читателя этих текстов, так это исключительно частое использование глаголов, обозначающих идеи оставления, изгнания, отбрасывания, разрушения, уничтожения»².

Эти мотивы находят воплощение как в апеллятивной, так и в экспликативной части. Если в первой они выражены прямо (призывами «Защити!», «Помоги!», «Убей!», «Сокруши!» и т.д.), то во второй косвенно: путем соответствующего описания действий и атрибутов богов. Например, в гимне II, 20 сказано:

Этот Индра, убийца Вритры, взорвал (крепости)
Дасов, таящих в (своем) чреве черную (расу),
он, проламыватель крепостей.
Он породил для человека землю и воды...
Когда ему вложили в руки дубину грома,
Убив дасью, он низверг их железные крепости³

В самом описании Индры как победителя противников арьев – туземных племен дасов – заключается просьба о помощи в битве. Такое описание божества определяется как суггестивно-эвокативное. Помимо него, в ведийском тексте можно было бы выделить и простые, «экспланаторные» определения, однако разграничить их возможно далеко не всегда, поскольку

самое указание на характеристики божества исподволь несет в себе призыв к действию, ему свойственному. Таким образом, ведийские гимны сочетают восхваление с молитвой, заклинанием, поскольку «вознесение хвалы не может не означать какой-либо просьбы к богу или силе, к которым эта хвала обращена: именно так стяжается их помощь и расположение»⁴.

Типологически отличные от ведийских, буддийские гимны зачастую лишены апеллятивной части; лишь в незначительном количестве тантрических гимнов имеются прямые воззвания к божествам⁵. Однако экспликативная часть напоминает представленное выше описание. Весьма показательна в этом отношении следующая характеристика одного из Защитников Учения – Двурюкого Махакалы:

- (2) Обладающему коротким черным телом, блистающему,
Рассекающему злобных [врагов] дигуком⁶ в правой [руке],
В левой [державшему] сосуд, наполненный их кровью,
Имеющему гирлянду черепов я гимн возношу!
(3) В гневе топающему ногой, сотрясая землю,
Устрашающим хохотом Сумеру⁷, обрушивающему,
Вырывающему сердце у тех, кто нарушил обеты,
Хранящему обеты я гимн возношу!⁸

Как и в древних гимнах, описание действий Махакалы в сущности является призывом к их продолжению и неослабному осуществлению. Правда, если в «Ригведе» боги нужны скорее для победы над внешними врагами, то буддисты борются с врагами внутренними, т.е. аффектами, которые зачастую олицетворяются в Маре⁹ и его полчищах.

Другая существенная черта индийской (и не только индийской) гимнографии, слабо проявляющаяся в Ведах, однако развитая в эпосе, – это обилие имен и эпитетов, прилагаемых к тому или иному божеству. Таким образом авторы гимнов стремились максимально полно охватить достоинства богов, при этом для каждого из них выделялись наиболее свойственные ему качества.

Сложно переоценить роль имени для человека древности. «Имя воспринималось как своего рода сгусток силы, выражавший и, следовательно, определявший самую сущность его носителя... Только зная имя бога, человек мог войти в контакт с ним или добиться определенного взаимопонимания с ним, а в магии – воздействовать на него или даже управлять им»¹⁰. С другой стороны, развитие представлений о безграничных возможностях бога также выражалось в благоговейном измышлении все новых и новых эпитетов, призванных восславить его. Таким образом, изначальное функциональное назначение данного явления соединилось с более тонкими, религиозно-философскими мотивами.

При всем отличии буддийской религии от древних культов этот важнейший компонент религиозного сознания остался по сравнению с архаичкой почти без изменений. Проговаривание как можно большего количества характеристик божества должно было способствовать установлению с ним более тесной связи и в конечном счете – обретению желаемых результатов, будь то мирское благополучие или духовные достижения – сиддхи.

Наиболее яркое выражение этот подход получил в текстах, посвященных непосредственно именам объекта восхваления. Содержащийся в палийском каноне текст, состоящий из имен и эпитетов Будды и приписываемый его прямому ученику Упали¹¹, возможно, повлиял на санскритскую литературу буддизма. В тибетском каноне имеется несколько таких сочинений. Среди них есть несколько текстов, входящих в поджанр намашташатака (санскр. *nāmāṣṭā+ataka*, букв. «сто восемь имен»). Эти гимны посвящены таким важным божествам как Тара, Чакрасамвара, Манджушри-Бхайрава. При этом если гимны Таре действительно представляют

собой списки имен, то в гимнах двум другим божествам обнаруживаются развернутые характеристики, образующие достаточно цельное их описание, при этом тантрический характер текстов подчеркнут обильным использованием звукоподражания. Так, про Чакрасамвару говорится следующее:

Смехом КА ХА КА ХА сансару устрашаешь,
Носишь костяные украшения с кладбищ ужасных,
Смехом ВАДЖРА ХА ХА три мира одолеваешь,
С возгласом ХА ХА ХИ ХИ ДЖА ДЖА указательный палец воздеваешь,
Смехом ХА ХА гору опрокидываешь,
Звуком ХРИ ХРИ йогини и даков созываешь, – и т.д.¹².

В том же стиле составлен и гимн Манджушри-Бхайраве:

Гневающийся, яростно [ревуший]: РУ ЛУ РУ ЛУ,
Подносишь к устам череп с кровью<...>
<...>Зверь с мордой буйвола, устрашающий,
Рога испускают лучи сапфирового цвета,
ХУМ, и рев, и рык устрашающий производишь,
Язык высовывается изо рта: ХЕ ХЕ ХЕ ХЕ ДЖА,
Страшен лик, как ранняя туча осенняя, – и т.д.¹³.

Как видно из приведенных отрывков, два эти гимна чередуют описания внешности божеств с характеристиками их деятельности. Такой прием свойствен очень многим гимнам, посвященным гневным тантрическим божествам, и сами эти сочинения хотя и не относятся к поджанру намаштатака, ничем, кроме названия, не отличаются от рассмотренных здесь текстов.

Необходимо отметить, что эпитеты, прилагаемые к тантрическим божествам, в основном однотипны, если не считать описания черт их внешности, которые могут быть индивидуальными: из основных идамов¹⁴, например, мордой буйвола обладает только Бхайрава. Набор используемых эпитетов в большей степени зависит от того, к какой категории божеств относится объект восхваления, нежели от его «персональных» особенностей. Первичным и наиважнейшим является деление богов-адресатов на мирных и гневных. Это отнюдь не означает, что гимны, посвященные мирным проявлениям божеств, не могут содержать таких эпитетов, как «уничтожитель аффектов» или «победитель полчищ Мары», а гимны гневным божествам не содержат таких эпитетов, как «освобождающий из сансары», «сострадательный», «ведущий живых существ» и т.д. В таком случае они осуществляют подчеркнуто умиловительную функцию. Впрочем, смешение этих групп эпитетов в большей степени присуще гимнам гневным божествам, к которым также приложимо большее число эпитетов негативного содержания, крайне редко или вовсе не использующихся в гимнах мирным идамам (например, «свирепый», «гневный царь», «врагов убивающий» и т.д.).

Однообразие эпитетов в буддийских гимнах связано, по-видимому, с тем, что тантрические повествования о деяниях различных идамов мало отличаются друг от друга¹⁵, соответственно, мало различаются и эпитеты, использующиеся в отношении различных тантрических божеств. Так, между эпитетами Манджушри или Авалокитешвары уследить различие довольно затруднительно. Поэтому имеет смысл говорить лишь об относительном преимуществе, которое может получать божество в отношении того или иного эпитета (например, Владыкой Речи чаще всего называют Манджушри).

Несколько особняком в этом отношении стоят гимны Таре, которая считается избавительницей от восьми так называемых «великих страхов», или опасностей (таких, как встреча со львом, слоном, змеей, раз-

бойниками, демонами, пожар, буря и заточение). Впрочем, именование Тары Освободительницей от восьми великих страхов также не совсем уникально: той же функцией иногда наделяется Авалокитешвара.

Большое количество эпитетов содержат и гимны других групп. В первую очередь это касается тех гимнов Будде Шакьямуни, где воспеваются его достоинства. По мнению буддистов, они неисчислимы и потому попытка их перечисления может выливаться в весьма пространные сочинения, каковыми являются, например, гимны Матричеты. Все эти эпитеты схематично можно представить в виде трех групп: как описывающие деяния и свойства Тела, Речи и Мыслей Будды. Примером, объединяющим все три группы, могут служить следующие стихи «Гимна из восьми строф» Анантадевы¹⁶:

- (1) Ликом подобному полной луне, очами подобному быку,
Голосом подобному льву, силой подобному слону,
Крепкому, точно Владыка гор, сознанием подобному океану,
Владыке богов, Владыке учителей – кланяюсь!
- (2) Тремя очами, прекрасными очами, широкими лотосоподобными
очами,
Точно глазами нага¹⁷ [или] якши¹⁸, взирающему,
Продолговатыми очами, осуществляющими достижение спасения,
Взирающему тысячею очей – Тебе кланяюсь!
- (3) Тому, кому кланялось множество высших богов, складывая
[почтительно] чудесные руки [свои],
[Чье] тело достойно подношения, блестит, словно золотая лава,
[Чье] тело украшено прекрасными благими признаками, –
Этому Сугате с головой кланяюсь!
- (4) Широкоумному, незагрязненному, точно золото,
Имеющему ум славный, ум знающий,
Будде, чьи очи незагрязненные, точно небо,
Герою, обладающему неколебимым умом, – кланяюсь!
- (5) Наивысшему среди рекущих, сладкий предмет рекущему,
Рекущему истинный предмет, предмет дисциплины рекущему,
Владыке речи, противниками неколебимому,
Рекущему истину Победителю – кланяюсь!

Особый тип эпитетов используется в философских гимнах, которые описывают такие объекты как истинная сущность всех вещей, Тело Дхармы и т.д. Поскольку эти объекты недоступны описанию, основную роль здесь играют апофатические определения. Особенно показателен в этом смысле «Гимн Абсолютной истине» Нагарджуны:

- (1) Как сказать о тебе, о Защитник,
Ведь не имеешь [ты] ни рождения, ни местопребывания,
Выходишь за рамки мирского,
Описанию словесному недоступен?
- (2) Как [сказать] и о том,
Что относится к истинной сущности,
Будучи привязанным к мирскому?
Но с великим почтением возношу тебе гимн.
- (3) По сути своей не рожден
И рождениям ты не подвержен.
Тебе, о Защитник, что ни уходит [из сансары], ни приходит [в нее],
Не обладающему бытием, – поклоняюсь.
- (4) Не являющемуся не-сущим, не являющемуся сущим,
Не являющемуся исчезающим навсегда, не являющемуся вечным,
Не являющемуся не-вечным, не являющемуся вечным¹⁹,
Не являющемуся ни тем ни другим – поклоняюсь²⁰.

Если в тантрических гимнах обилие эпитетов является средством установления должного контакта с божеством-адресатом, то здесь мы имеем дело со способом концентрации ума на объекте медитативного постижения.

Следует иметь в виду, что буддийские гимны используются двояким образом: и как коллективное ритуальное песнопение, и как часть индивидуальной практики. Такое положение вещей сложилось уже в первой половине I тыс. н.э. Во всяком случае, в записках китайского паломника VII в. И-Цзина оно предстает вполне оформившимся. Есть смысл привести здесь некоторые отрывки из этих записок в переводе с английского издания Дз. Такакусу:

«Обычай почитания Будды путем повторения его имен издревле известен и практикуется в Китае, однако обычай прославления Будды путем указания его достоинств доселе был не известен. (Последний важнее первого), поскольку внимание только именам Будды не помогает нам осознать величие его мудрости, в то время как, повторяя гимны, описывающие его достоинства, мы можем понять, насколько они велики. На Западе (в Индии) священники устраивают службу, посвященную чайтье, равно как и обычную службу поздним вечером или в сумерки. Собрание духовных выходит через ворота монастыря и трижды обходит ступу, поднося благовония и цветы. Они преклоняют колена, и один из них начинает петь гимны, описывая достоинства Великого. Учителя мелодичным, чистым, глубоким голосом, и так поет десять или двадцать строф. Затем процессия возвращается в монастырь, где обычно проходят собрания. Когда все усядутся, тец сутр, воссев на львиный трон (симхасана), читает короткую сутру. Львиный трон подходящих размеров установлен перед главным духовным. Из текстов, которые читаются по таким случаям, часто используется «Служба из трех частей». Этот сборник составлен достопочтенным Ашвагхошей. Первая часть состоит из десяти строф и содержит хвалу Трем Сокровищам (Триратне). Вторая часть является выборкой из текстов, содержащих слова Будды. После гимна и чтения слов Будды как третий элемент службы следует дополнительный гимн, состоящий более чем из десяти строф и являющийся молитвой, в которой выражается желание довести добродетели до созревания.<...>

<...>В монастыре Наланде число духовных огромно, превышая три тысячи, поэтому им сложно собраться одновременно вместе. В монастыре имеется восемь залов и триста комнат. Служба может отправляться только раздельно, сообразно с удобством для каждого члена общины. Поэтому существует обычай каждый день высылать одного представителя, который обходит одно место за другим, распевая гимны, в сопровождении светских прислужников и детей, несущих благовония и цветы. В каждом зале он отправляет службу: громко поет по три или пять строф, которые слышны повсюду. В полночь он завершает свою работу. Этот представитель обычно награждается от лица всего монастыря особым подарком (пуджей). Кроме того, другие члены монастыря, сидя в одиночестве перед святилищем (гандхакути), восхваляют Будду в своем сердце. Прочие же, придя в храм (небольшой группой), садятся друг подле друга на колени и, выпрямив спину и положив руки на землю, касаются ее головой, таким образом совершая тройное поклонение»²¹.

Хотя конкретные формы ритуального использования гимнов с течением времени менялись, общие черты сохранялись. Интересно, что и поныне в Непале в рамках неварской буддийской общины каждый день звучат гимны на санскрите²². В тибетских монастырях гимны также являются важной составной частью ритуала. Монахи возносят их как по праздникам, так и в обычные дни.

Как было сказано, гимны входят и в сферу индивидуальной практики. В частности, восхваление – один из компонентов визуализации тантрических божеств. Описание внешности, замечания относительно его символики и атрибутов помогают адепту живо представить божество и, таким образом, создать базу для успешного контакта с ним. Более того,

значительное количество этих текстов принадлежит великим йогинам (махасидхам), которые, как утверждается в колофонах, сочиняли гимны в результате непосредственного контакта с теми или иными божествами. В целой группе текстов структурообразующим является прием объяснения символики божеств. В качестве примера можно привести строки из гимна Ваджрайогини, супруге Чакрасамвары:

Дакини, возникшей из [слога] ХРИХ,
Отсекающей терзания в виде аффектов
И потому на незапятнанной луне в небе [стоящей];
Молодой и прекрасной,
Ликом подобной шестнадцатилетней [девушке],
Не загрязненной дефектами сансары,
Потому испускающей лучи, цветом подобные [лучам] осенней [луны]; <...>
<...>Обладающей завораживающей внешностью,
Потому имеющей прекрасную диадему с шелковыми лентами;
Украшенной всеми достоинствами,
Потому имеющей головное украшение, серьги, украшения на плечах,
Ожерелье и половинное ожерелье на шее,
Браслеты на руках и ногах,
Сделанные из драгоценных камней;
Отбрасывающей умопостроения, потому носящей ожерелье
Из полусотни человеческих голов;
Аффекты, как дрова, сжигающей,
Потому пребывающей посреди белой огненной горы;
Обладающей пониманием иллюзорности,
Потому окруженной со всех сторон светом радуги ?
Дакини кланяюсь, гимн возношу!²³

Подобные фрагменты представляют собой ценнейший источник для понимания иконографии тантрических божеств, в том числе для самих буддистов.

В завершение следует отметить, что культовая функция гимнов является важнейшим аспектом, объединяющим подчас весьма разнородные тексты в единый жанр. По замечанию А. М. Пятигорского, «в индийской литературе мы находим множество нарративных и рефлексивных культовых стихов, да и стихов, вообще не имеющих культового содержания <...>, которые оказываются культовыми лишь в силу их попадания в “поле культа”, имеющее свои пространственные и временные рамки»²⁴.

Сказанное по поводу тамильских гимнов вполне применимо и в отношении гимнов буддийских. Будь то гимны достоинствам Будды Шакьямуни, или философские гимны, или гимны тантрическим божествам – все они используются одинаково: не только как благочестивое действие, сулящее лицу, его совершившему, различные блага в будущем, но и как способ концентрации ума на объекте сосредоточения. Рассмотренные особенности структуры и стилистики текстов позволяют также говорить о тесном переплетении декоративного и функционального аспектов гимнографии: текст, выступающий в виде подношения, должен быть искусно сложен, чтобы возносящий его мог рассчитывать на милостивое отношение к себе со стороны адресата гимна.

¹ Елизаренкова Т.Я. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I-IV. – М.: Наука, 1989 (Сер. «Литературные памятники»). – С. 484.

² Gonda J. Why are *ahīṣā* and similar concepts often expressed in a negative form? // Gonda J. Four Studies in the Language of the Veda. – S-Gravenhage: Mouton & Co, 1959. – С. 113.

³ Ригведа. Мандалы I-IV / пер. Т. Я. Елизаренковой. – М.: Наука, 1989 (Сер. «Литературные памятники»). – С. 259. В остальных случаях перевод выполнен автором статьи.

⁴ Gonda J. The so-called secular, humorous and satirical hymns to the *Āgveda* // Gonda J. Selected Studies. In 4 vol. Vol. III. Sanskrit: Grammatical and Philological Studies. – Leiden: E.J. Brill 1975. – P. 392.

⁵ Возможно, своего рода аналогом апеллятивной части древних гимнов следует считать так называемое «посвящение заслуг» – универсалию, свойственную литературе Махаяны. Буддисты этого направления считают, что добродетели, накопленные в результате сочинения религиозного текста или какой-либо практики, необходимо посвящать благу других, поскольку конечной целью Махаяны провозглашает освобождение всех живых существ от пут сансары. Впрочем, данная формула не всегда включает в себе пожелание блага только другим. Зачастую здесь выражается пожелание пользы как для других, так и для себя, а порой и только для себя. В последнем случае подразумевается, что обретение благих качеств позволит сделать более эффективной деятельность по принесению пользы другим существам.

⁶ Дигук – кривой нож, атрибут многих тантрических божеств.

⁷ Мировая гора индийской космографии.

⁸ Vararuci. *Dpal nag-po-chen-po-la bstod-pa* [Śrīmahākālastotra]. Пекинское издание тибетского буддийского канона: № 2640, разд. *rgyud-'grel*, т. la (шифр тома в Тибетском фонде СПбФ ИВ РАН – С-14049. Л. 294b⁵⁻⁷).

⁹ В буддизме отождествляется с Камадевой, Богом Любви. Сюжет о том, как Мара со своими прекрасными дочерьми и ужасающим воинством пытался воспрепятствовать Будде достичь пробуждения, чрезвычайно популярен в буддийской литературе.

¹⁰ Gonda J. Epithets in the *Āgveda*. – S-Gravenhage: Mouton & Co, 1959. – P. 32-33.

¹¹ Перевод этого текста см.: Waldschmidt E. The *Vārṇasatam*. An Eulogy of one hundred Epithets of Lord Buddha spoken by the *Gṛhapati Upāli(n)* // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen*. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. – 1979. № 1. – S. 1-19.

¹² *Dpal 'khor-lo-sdom-pa'i mtshan brgya-rtsa-brgyad-pa'i bstod-pa* [Śrīcakrasaūvaranāma+atāū-ñaka-stotra]. Пекинское изд.: № 2142, разд. *rgyud-'grel*, т. na (шифр – С-14034). Л. 198a⁴⁻⁶.

¹³ *Karmarāja. 'Jam-dpal 'jigs-byed mtshan-gyi bstod-pa* [Mañju+ṛtibhairavanāmastuti]. Пекинское изд.: № 2866, разд. *rgyud-'grel*, т. pi (шифр – С-14065). Л. 247a¹⁻³.

¹⁴ Идам – обозначение главных тантрических божеств.

¹⁵ Имеется лишь несколько деяний, приписываемых строго определенным божествам, но и они далеко не всегда находят отражение в эпитетах. В частности, история о том, как Чакрасамвара отсек голову Брахме диском и низверг его в ад, никак не отражена в известных мне гимнах этому идаму. Чаще в гимнах фигурируют обстоятельства появления тех или иных божеств, в частности стандартным является описание Тары как появившейся из «тычинок лотоса-лица» Авалокитешвары.

¹⁶ *Anantadeva. Tshigs-su-bcad-pa brgyad-pa'i bstod-pa* [Padmācaka-stotra]. Пекинское изд.: № 2034, разд. *bstod-tshogs*, т. ka (шифр – С-14029). Л. 122a⁴-122b¹.

¹⁷ Наги – полубожественные змееподобные существа в индо-буддийской мифологии.

¹⁸ Якши – класс полубожественных существ, слуги бога богатств Куберы.

¹⁹ Буквальный повтор выражения «rtag ma-lags».

²⁰ *Nāgārjuna. Don dam-par bstod-pa* [Paramārthastava]. Пекинское изд.: № 2014, разд. *bstod-tshogs*, т. ka (шифр – С-14029). Л. 81a¹⁻⁴.

²¹ Takakusu I. *A Record of the Buddhist Religion as Practised in India and the Malay Archipelago (A.D. 671-695)* by I-tsing. – Oxford 1896. – P. 152-155.

²² Указание Мина Бахадур Шакья, главы Центра буддийских исследований (ЦБИ), Катманду.

²³ *Dīpaṅkara. Rdo-gje-rnal-'byor-ma-la bstod-pa* [Vajrayoginīstotra]. Пекинское изд.: № 2298, разд. *rgyud-'grel*, т. pha (шифр – С-14036). Л. 420b⁴-421a⁶.

²⁴ Пятигорский А.М. *Материалы по истории индийской философии. (Материализм локайяты, индуистская система шайва-бхакти и другие философские и религиозные системы в средневековых тамильских источниках)*. – М.: ИВЛ, 1962. – С. 79.